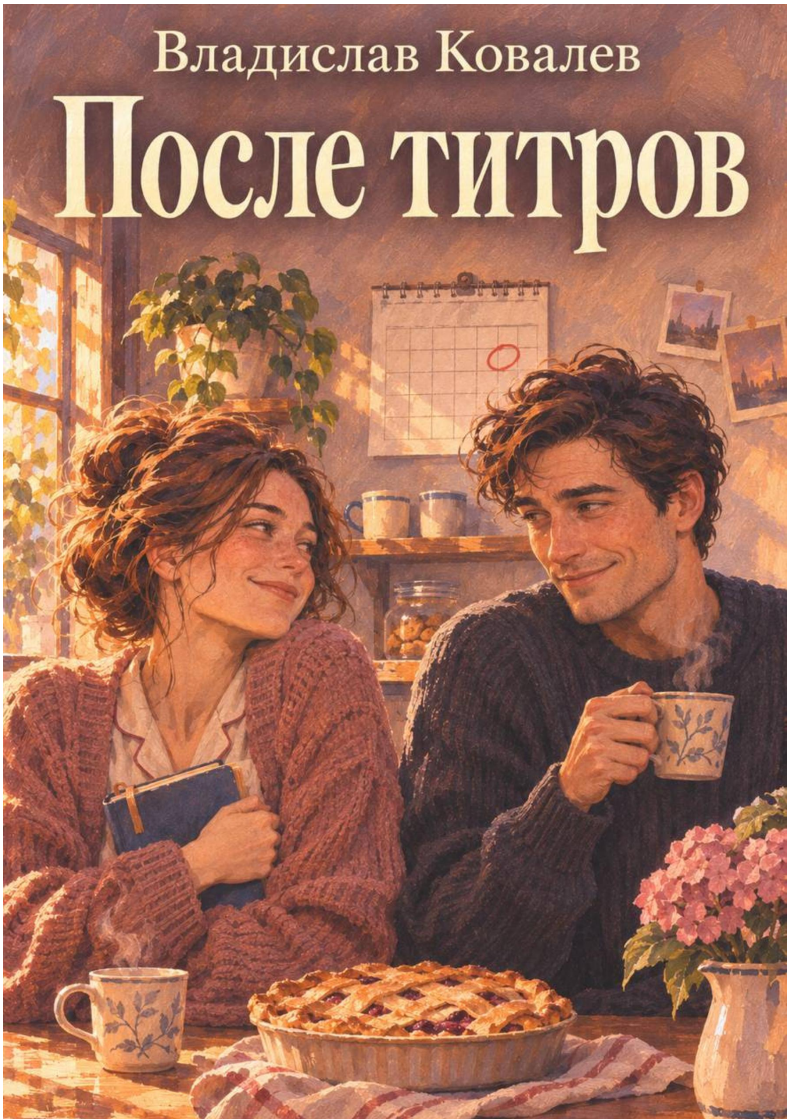
Владислав Ковалев

После титров

Владислав Ковалев

После титров

https://litres.ru/74738929
SelfPub; 2026

Аннотация

На собственной свадьбе Марина и Лев целуются, а приходят в себя через год. Они женаты, живут вместе, и у Марины появилась мама, которой прежде не было. Как прошёл их первый год, никто из них не помнит.

Когда Лев берёт первое самостоятельное дело, выясняется, что таких пар в городе уже несколько. Марине и Льву предстоит выяснить, куда пропадают годы, и успеть остановить это до свадьбы Морока и Лидии.

Содержание

Глава 1. Пустая графа 4
Глава 2. Бумагу жалко 18
Глава 3. Горько 29
Глава 4. Год спустя 39
Глава 5. Наша квартира 52
Глава 6. Контора 62
Глава 7. Алиса 74
Глава 8. Петя 87
Конец ознакомительного фрагмента. 91

После титров

Глава 1. Пустая графа

Марина. Новый квартал и Сиреневый квартал. Суббота, утро свадьбы.

Я проснулась за минуту до будильника.

Это мне сразу не понравилось.

Обычно я просыпаюсь после будильника. Иногда после второго. Один раз — после того, как Лев позвонил узнать, жива ли я, потому что я не ответила на три сообщения подряд. А тут открыла глаза, полежала, и телефон зазвонил ровно тогда, когда я протянула к нему руку.

Солнце лежало на платье. Не рядом, не на полу возле шкафа, а именно на платье: на юбке, которая висела на дверце, и чуть-чуть на рукаве. Как будто его туда положили специально и попросили не двигаться.

На подоконник села птица. Посмотрела на меня. Улетела.

Я достала из тумбочки блокнот и написала: «Суббота. Всё идеально. Подозрительно».

Подумала и добавила: «Птица».

Последние полгода город вёл себя прилично.

Столики у окна освобождались не чаще, чем у всех. Дождь начинался, когда его обещали по радио, а не когда кто-то из моих знакомых расстраивался. Иногда, конечно, случалось. Лев однажды вошёл в булочную, и у кассы на секунду заиграл саксофон. Продавщица спросила, откуда звук. Лев сказал, что не знает. Он правда не знал, просто покраснел.

Но такого, как сегодня, не было давно.

Я пошла ставить чайник. Чайник закипел, пока я шла.

— Да ладно, — сказала я вслух.

На кухне никто не ответил. Хотя бы это было нормально.

* * *

Лев написал в половине девятого.

«Не спишь?»

«Нет. Ты?»

«Морок третий раз завязывает мне галстук. Говорит, раньше галстуки были проще».

«Раньше всё было чёрно-белое».

«Он прочитал через плечо. Обиделся».

«Передай, что я извиняюсь».

Через минуту:

«Говорит, не верит. Но галстук получился».

Я улыбнулась и чуть не написала ему про птицу и чайник. Потом решила, что расскажу сама. Сегодня мы и так увидимся, а в сообщениях такие вещи выглядят странно. «У меня закипел чайник, я волнуюсь». Хотя ничего странного в этом не было. Я и правда волновалась.

* * *

Алиса пришла в девять, с отпаривателем, двумя пакетами и букетом.

— Это не твой, — сказала она с порога. — Твой Лидия

привезёт прямо туда. Этот просто так. Чтобы дома было красиво.

— Дома и так красиво.

— Ну вот, будет ещё красивее.

Она поставила цветы в банку, потому что вазы у меня так и не появилось, и пошла смотреть платье. Платье я выбирала сама. Простое, светлое, до колена, с карманом. Алиса до сих пор не могла простить мне карман.

— Ты туда блокнот положишь, — сказала она.

— Положу.

— Марина. Это свадьба.

— Поэтому и положу. Вдруг что-нибудь случится.

— Что может случиться?

Я рассказала про будильник, птицу и чайник. Алиса слушала, держа отпариватель, как фен.

— И?

— И всё идеально.

— Марин, — сказала она очень терпеливо. — Это свадьба. Так и должно быть.

— У тебя так и было. А у меня так не бывает.

Она посмотрела на меня. Потом засмеялась и обняла, не выпуская отпариватель, так что мне в ухо немного подуло горячим.

— Теперь бывает, — сказала она. — Привыкай.

Пока Алиса воевала со складкой на юбке, я ещё раз проверила сумку. Паспорт. Кольца не у меня, кольца у Гены, по-

тому что Гена свидетель и потому что он сказал, что у него ничего не теряется. Это была неправда, но кольца он держал в отдельной коробочке, а коробочку в отдельном кармане, и проверял её так часто, что за неделю я перестала волноваться.

Ещё в сумке лежала розовая лента. Я хотела завязать её на букет.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Чтобы он меня узнал.

— Он тебя и так узнает.

— Он нуарный. Мало ли.

Алиса фыркнула. Я не стала объяснять дальше. У Льва на рукаве пальто до сих пор держалась моя розовая нитка. Он её не снимал. Я хотела, чтобы на свадьбе у меня тоже было что-нибудь такое же маленькое.

А потом я вспомнила про бланк, и всё хорошее настроение куда-то съехало.

Заявление мы подавали месяц назад. Сиреневый ЗАГС, второй этаж, кабинет с голубем на двери. Регистратор, Нина Петровна, выдала нам анкету и показала, где расписаться.

Там была графа «Родители невесты».

Я на неё посмотрела. Лев посмотрел на меня.

— Можно пропустить? — спросила я.

— Можно, — сказала Нина Петровна. — Но графа обязательная. Ничего страшного, мои хорошие, в день регистрации заполним. Бывает, люди приезжают в последний мо-

мент.

Мне не к кому было приезжать в последний момент.

У меня не было мамы, которая забыла позвонить, или папы, который не разговаривал со мной из-за выбора профессии. У меня вообще ничего такого не было. В первой жизни, когда я была подругой Алисы и больше никем, мне это и в голову не приходило. Подруге героини не нужны родители. У неё есть кухня, телефон с одним контактом и вечное «как ты?».

Теперь у меня была фамилия, которую я выбрала сама, комната, где стоял мой стол, и человек, который завязывал галстук ради меня. А графа так и осталась пустой.

— Опять про бланк? — спросила Алиса.

Я кивнула.

Она выключила отпариватель.

— Слушай. Если там спросят, я пойду. Я почти как мама. Я тебе суп варила.

— Один раз.

— Зато какой.

Суп был ужасный. Мы обе это помнили и обе засмеялись.

* * *

Артём приехал за нами в десять. Он вышел из машины, увидел меня в платье и сказал:

— Ого.

Больше ничего. Мне понравилось. Не «ты прекрасна», не «Лев просто не выдержит». Просто «ого», как будто ему правда понравилось.

Мы поехали в Сиреневый квартал.

Все светофоры были зелёные. Все. Артём на третьем перекрёстке начал смеяться, на пятом перестал.

— Первый раз такое, — сказал он.

— Не первый, — сказала я. — Просто раньше это было не у меня.

Алиса сжала мою руку.

За окном цвела сирень. Её в этом квартале всегда много, но сегодня она цвела как-то слишком старательно. Каждый куст будто готовился к фотографии. На одном перекрёстке женщина с коляской остановилась и помахала нам, хотя мы точно не были знакомы.

Я помахала в ответ. Что ещё оставалось.

* * *

У ЗАГСа уже собрались.

Гена стоял в костюме, который явно взял у кого-то на один день: рукава были чуть длиннее, чем нужно. Он то и дело трогал карман с кольцами. Рядом стоял Семён, в своём плаще со светлой пуговицей, хотя было тепло. Он сказал, что в плаще ему спокойнее, и никто не стал спорить.

Фёдор Кузьмич пришёл с Пулей. На Пуле была бабочка.

Пуля бабочку не одобряла, но терпела.

Петя держал коробку с подарком двумя руками, как документ на подпись. Увидел меня, покраснел и сказал:

— Поздравляю. То есть ещё рано. То есть заранее.

— Спасибо, Петь.

Лидия привезла букет. Белые и светло-розовые цветы, ничего лишнего. Я достала ленту и завязала на стебли. Лидия посмотрела, кивнула.

— Правильно, — сказала она. — Так лучше.

А потом из-за угла вышли Лев и Морок.

Лев был в тёмном костюме. Галстук действительно получился. Я заметила это, когда он подошёл ближе, а до этого не заметила ничего, потому что смотрела на него.

Морок шёл на шаг позади и делал вид, что его тут нет.

Лев остановился передо мной. Посмотрел на платье, на букет, на ленту. Он ничего не сказал вслух. Но я стояла близко, и я услышала:

Она стояла на ступенях, как стоят люди, которые никуда не торопятся, потому что уже пришли. Розовая лента. Конечно. Я должен был догадаться.

Я улыбнулась.

— Я слышу, — сказала я.

— Знаю, — сказал Лев. — Привет.

— Привет.

Он взял меня за руку. Пальцы у него были холодные. Значит, тоже волновался.

— У тебя всё нормально? — спросил он тихо.

— У меня всё идеально.

Он сразу понял. Он вообще быстро понимал.

— Насколько идеально?

— Чайник закипел, пока я шла к нему.

Лев посмотрел на сирень, на солнце, на Пулю в бабочке.

— Ясно, — сказал он. — Будем смотреть в оба.

— Это наша свадьба, Лев.

— Вот именно.

* * *

Нина Петровна встретила нас наверху. Очки на цепочке, брошка-голубь, причёска, которая, кажется, не менялась с прошлого месяца ни на волос.

— Мои хорошие! — сказала она. — Проходим, проходим. Всё готово. Свидетели здесь? Кольца здесь?

Гена в шестой раз потрогал карман.

— Здесь.

— Чудесно. — Нина Петровна открыла папку и подняла на меня глаза. — Так. Родители невесты присутствуют?

Все замолчали. Даже Пуля.

— Нет, — сказала я.

— Опаздывают?

— Нет. Их нет.

— Совсем?

— Совсем.

Нина Петровна вздохнула так, будто я сообщила, что у нас закончилась бумага.

— Ну как же так. Графа ведь обязательная. Можно, конечно, оставить пустой, но тогда нужна объяснительная, а объяснительную я сегодня не приму, у меня бланков на объяснительные нет. — Она посмотрела на гостей. — Ну хоть кто-нибудь?

Алиса шагнула вперёд.

— Я.

— Вы подруга, — сказала Нина Петровна. — Вы у меня в свидетелях.

— Я могу и там, и там.

— Не можете, мои хорошие. Две графы на одного человека — это уже исправление, а исправления я не люблю.

Лев сжал мою руку. Голоса я не услышала, но по лицу было видно, что про бланки он думает что-то короткое и невежливое. Я сжала его руку в ответ.

Морок кашлянул.

— Может, я? — сказал он. — Я и так посажёный.

— Вы со стороны жениха, — сказала Нина Петровна. — Нельзя же одного человека на обе стороны.

Морок посмотрел на неё так, как смотрел на подозреваемых. Нина Петровна этого не заметила. Она привыкла к женихам.

Я стояла и думала, что это даже смешно. Раньше я бы ре-

шила, что так и надо: у подруги главной героини не бывает родителей, значит, и графы для неё нет. Сейчас было не смешно. Сейчас мне просто очень хотелось, чтобы в этой графе хоть что-то было.

И тут открылась дверь.

Сначала я услышала скрипку.

Не музыку из колонки. Скрипку. Одну, тонкую, откуда-то сверху и сразу отовсюду. Гена поднял голову и начал искать, кто играет. Фёдор Кузьмич сказал:

— Ну началось.

В дверях стояла женщина.

Шляпка с маленькой вуалью. Светлый костюм. Жемчуг. Яркая помада. В руке — платок, уже наготове. Она увидела меня и пошла через зал.

Пошла медленно. Не потому, что шла медленно, а потому, что всё вокруг стало медленно. Я видела, как поднимается край вуали. Как падает лепесток с букета Лидии. Как Пуля очень медленно открывает рот, чтобы гавкнуть, и так и не успевает.

— Доченька! — сказала женщина.

И обняла меня.

От неё пахло духами и чуть-чуть пирожками. Она прижала меня к себе крепко, по-настоящему, так, что букет оказался где-то у неё за спиной. Я стояла и не знала, куда деть руки.

Меня никто никогда так не называл.

Ни разу. Ни в шутку, ни по ошибке. Алиса называла меня «Марин», Лев — «Марина», Гена — «соседка», Фёдор Кузьмич — «барышня». А тут чужая женщина в шляпке обнимала меня посреди ЗАГСа и плакала мне в плечо, и я чувствовала, как намокает платье.

— Я так боялась не успеть, — сказала она. — Мариночка. Господи. Какая ты стала.

— Простите, — сказала я. — Вы… кто?

Она отстранилась, держа меня за плечи, и посмотрела мне в глаза. Глаза у неё были мокрые и очень серьёзные.

— Я твоя мама.

Скрипка взяла высокую ноту и замолчала.

Алиса открыла рот. Гена закрыл свой. Семён посмотрел на дверь, через которую вошла женщина, будто ждал, что оттуда войдёт кто-нибудь ещё. Петя прижал к себе коробку.

Лев стоял рядом. Он ничего не сказал. Но я услышала:

Женщина вошла так, как входят в сериал: без звонка, без адреса и с готовой слезой. На Мокром берегу я видел много матерей. Эта пришла слишком вовремя.

Я повернулась к нему.

— Не сейчас, — сказала я тихо.

Лев посмотрел на меня. Помолчал. Кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Потом.

— Ну вот! — Нина Петровна всплеснула руками. — Вот и мама нашлась! Я же говорила, приезжают в последний момент. Как записываем?

Женщина промокнула глаза платком.

— Мамова, — сказала она. — Лариса Аркадьевна.

Нина Петровна взяла ручку и посмотрела на меня. Все посмотрели на меня.

Я смотрела на папку. Там, под нашими со Львом фамилиями, была пустая графа. Месяц я про неё думала. Месяц решала, что скажу, если спросят. Решила сказать «нет» и не расстраиваться.

А теперь рядом стояла женщина, которая назвала меня доченькой, и держала меня за руку. Я даже не заметила, когда она взяла мою руку. Просто держала, и всё.

Я не знала, кто она. Не знала, откуда она знает моё имя. Не знала, почему от неё пахнет пирожками и почему вокруг неё играет скрипка.

Но графа больше не была пустой.

— Пишите, — сказала я.

Нина Петровна вписала аккуратно, разборчиво, с завитушкой на «М».

Лариса Аркадьевна снова заплакала.

Лев стоял рядом и молчал. Даже про себя. Я это тоже слышала.

Глава 2. Бумагу жалко

Лев. ЗАГС Сиреневого квартала. Та же суббота.

У неё были новые туфли.

Я заметил это раньше, чем подумал, что замечать сейчас не нужно. Светлые, на небольшом каблуке, без единой царапины. Подошва чистая, как будто её поставили на пол прямо из коробки.

Женщина сказала, что примчалась с вокзала. Что боялась не успеть. Что ехала всю ночь.

Сумки у неё не было. Только маленькая, на цепочке, в которую с трудом поместился бы платок.

Она пришла издалека. Так она сказала. Туфли говорили, что она пришла из соседней комнаты.

Марина повернула голову и посмотрела на меня.

Я замолчал. Даже про себя.

* * *

Нина Петровна вписывала новую графу долго и с удовольствием. Сначала фамилию, потом имя, потом отчество. Потом отложила ручку, взяла её снова и обвела заглавную «М», чтобы та стала ещё круглее.

Лариса Аркадьевна стояла рядом с Мариной и держала её

под руку. Марина не убирала руку. Смотрела то на папку, то на женщину, то на свои туфли, как будто проверяла, кто из них настоящий.

Морок встал рядом со мной. Он ничего не сказал. Он умел стоять рядом так, что это было слышно.

— Видел? — спросил я тихо.

— Видел.

— Туфли.

— И сумку.

— Она знает, как Марину зовут.

— Твоё приглашение висит в булочной на Мокром, — сказал Морок. — Там и имя, и время, и адрес. Лидия повесила. Сказала, пусть весь берег знает.

Я этого не знал. Стало немного легче и немного хуже.

— Сомов, — сказал Морок.

— Что?

— Не сегодня.

Я посмотрел на него. Он смотрел на Марину.

— Сегодня у тебя не дело, — сказал он. — Сегодня у тебя свадьба. Дела будут завтра. У тебя теперь их целая контора будет.

— Ещё не будет.

— Будет, — сказал он. — Я старый.

Это он говорил последние полгода через раз. Я перестал спорить месяца два назад.

* * *

— Ну что, — сказала Нина Петровна и поднялась из-за стола. — Мама на месте, свидетели на месте, кольца на месте?

Гена проверил карман. Я начал считать, сколько раз за утро он это сделал, и сбился на восьмом.

— На месте.

— Тогда проходим в зал, мои хорошие. Жених справа, невеста слева. Мама — в первый ряд.

Лариса Аркадьевна прижала платок к губам.

— В первый ряд, — повторила она так, будто ей вручили орден.

Мы пошли в зал.

Зал был небольшой: белые стулья, ковёр, на стене венок из искусственных роз и часы, которые отставали на четыре минуты. Я это проверил. По привычке. Марина заметила, что я проверяю, и улыбнулась краем рта.

Алиса встала рядом с ней. Гена — рядом со мной. Морок сел во второй ряд, сразу за Ларисой Аркадьевной, так, чтобы видеть её затылок. Я не просил. Он сам.

Фёдор Кузьмич сел с краю, взял Пулю на колени. Пуля посмотрела на всех с выражением, которое у людей называется «ну и что вы тут устроили».

Семён сел у окна. Петя сел рядом с ним, всё ещё с короб-

кой на коленях. Лидия осталась стоять у двери. Сказала, что так лучше видно.

* * *

Нина Петровна встала за маленькую трибуну и открыла папку.

— Дорогие Марина и Лев, — начала она. — Сегодня в вашей жизни…

Дальше я не слушал.

Не потому что было неинтересно. Просто Марина стояла рядом, в платье с карманом, из которого торчал уголок синего блокнота, и смотрела на меня. Не на Нину Петровну и не на венок. На меня.

Она смотрела так, будто я был единственной понятной вещью в комнате. Я был не уверен, что это правда. Но спорить не собирался.

Марина приподняла бровь.

Я понял, что опять сказал это не вслух, и немного покраснел. Она еле заметно покачала головой. Потом шепнула, почти не шевеля губами:

— Красиво. Только громко.

— Извини.

— Не извиняйся.

Нина Петровна кашлянула.

— …и в горе, и в радости, — сказала она с нажимом и

посмотрела на нас поверх очков.

— Да, — сказал я.

— Я ещё не спросила, мой хороший.

Кто-то сзади хихикнул. Кажется, Петя.

* * *

Дальше всё шло как положено.

Нина Петровна спросила. Я сказал «да». Марина сказала «да». Лариса Аркадьевна в первом ряду громко всхлипнула, и где-то под потолком снова тихонько заиграла скрипка. Гена поднял глаза на потолок. Скрипка смутилась и замолчала.

Гена достал коробочку. Открыл. Кольца были на месте. Он выдохнул так, что у Нины Петровны шевельнулась бумага на трибуне.

Я надел кольцо Марине. Руки у неё были тёплые. У меня — нет. Она это почувствовала и сжала мои пальцы, прежде чем отпустить.

Потом она надела кольцо мне. С первого раза. Я почему-то думал, что будет со второго.

— А теперь, — сказала Нина Петровна, — распишемся.

Она наклонилась под стол.

* * *

Под столом стояла картонная коробка.

Обычная, из-под чего-то большого. Крышка была подвёрнута внутрь, а на боку кто-то написал маркером «НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ» и дважды подчеркнул.

Нина Петровна достала оттуда лист и положила на стол.

Бумага была желтоватая. Не белая с оттенком, как бывает у дорогих бланков, а именно жёлтая, как старые газеты в архиве Морока. Рамка по краю шла другая: тонкая, с завитками. Шрифт тоже другой. Я видел такие формы только в старых делах.

Внизу мелким текстом стояли какие-то строки. Я успел прочитать «Основание:» и первую букву следующего слова. «Ф».

Потом Нина Петровна положила сверху печать.

— Это что за бланк? — спросил я.

Вопрос вылетел сам. Марина повернулась ко мне.

Нина Петровна посмотрела на лист с нежностью.

— Хороший бланк, — сказала она. — Нашла в подсобке целую коробку. Старые, плотные. Раньше умели делать, не то что сейчас: возьмёшь ручку, а она насквозь. — Она погладила край листа. — Новые я берегу. А эти, мои хорошие, пусть работают. Бумагу жалко. Она же хорошая.

— Они действительные? — спросил я.

— А как же. Печать ставлю я, значит, действительные.

Это прозвучало так уверенно, что спорить стало неловко.

Старая бумага. Старая рамка. Строчка, которую закрыли печатью. Я знал, что из таких мелочей потом складываются дела. Ещё я знал, что сегодня я не на работе.

Марина смотрела на меня. Она это слышала.

— Лев, — сказала она тихо. — Всё нормально?

Я посмотрел на неё. На кольцо. На букет с розовой лентой. На Ларису Аркадьевну, которая плакала в первом ряду так счастливо, что даже Морок отвёл глаза.

— Нормально, — сказал я. — Просто бумага старая.

— Я тоже старая, — сказала Нина Петровна. — И ничего, работаю. Распишитесь вот здесь, мой хороший.

Я расписался.

Ручка не протекла. Бумага и правда была хорошая.

* * *

Марина расписалась после меня. Обычной подписью, той самой, которую ещё не успела переделать под новую фамилию. Потом расписались Алиса и Гена. Нина Петровна поставила печать на свободное место, ещё раз полюбовалась и закрыла папку.

— Объявляю вас мужем и женой, — сказала она. — Можете поцеловать невесту.

Я поцеловал невесту.

Сзади захлопали. Пуля гавкнула один раз, коротко, будто подтвердила. Лариса Аркадьевна встала и пошла к нам, раскрыв руки, и всё опять стало чуть-чуть медленнее, чем нужно. Я увидел, как Гена в замедленном движении тянется проверить пустой карман, вспоминает, что колец там уже нет, и всё равно проверяет.

Лариса Аркадьевна обняла Марину. Потом, неожиданно, меня.

— Зятёк, — сказала она мне в ухо. — Береги её.

От неё пахло пирожками. Я никогда раньше не слышал, чтобы в мелодраме пахло пирожками. Хотя, может, я просто раньше не стоял так близко.

— Берегу, — сказал я.

— Вот и хорошо. — Она похлопала меня по щеке. — А то знаю я вас, с того берега. Всё в шляпах, всё в дожде.

Шляпы у меня не было. Я решил не уточнять.

* * *

На ступенях фотографировались долго.

Фотографа нанял Артём. Сказал, что это подарок, и отказался объяснять, сколько стоит. Фотограф был быстрый и весёлый и всё время говорил «а теперь все смотрим на меня», хотя все и так смотрели на него.

Лариса Аркадьевна встала рядом с Мариной на каждой фотографии. Сначала с краю, потом ближе, потом взяла Ма-

рину под руку. Алиса смотрела на это с таким лицом, что я на секунду подумал: сейчас будет дождь. Дождя не было. Алиса улыбнулась и встала с другой стороны.

Ко мне подошёл Петя.

— Поздравляю, — сказал он. — Теперь уже можно.

— Спасибо.

Он помялся.

— Лев, а кто это? — Он кивнул на Ларису Аркадьевну. — Я не знал, что у Марины…

— Я тоже не знал.

— А.

Петя посмотрел на Ларису Аркадьевну очень внимательно. Как смотрят на номер дела, который где-то уже видели.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — сказал он. — Показалось. У нас сейчас столько людей проходит по пересмотру. Все уже на одно лицо.

Он покраснел и ушёл фотографироваться.

* * *

Марина подошла ко мне, когда фотограф отпустил всех на пять минут.

— Ну, — сказала она.

— Ну.

— Ты молодец. Ты почти ничего не сказал.

— Почти.

— Про туфли было громко.

— Знаю.

Она посмотрела в сторону. Лариса Аркадьевна рассказывала Лидии, как правильно ставить цветы в воду. Лидия, которая ставила цветы в воду всю жизнь, слушала очень вежливо.

— Я не знаю, кто она, — сказала Марина. — Правда не знаю.

— Я тоже.

— Можно я пока не буду знать? Только сегодня.

Я подумал. Сказать было что: туфли, сумка, вокзал, приглашение в булочной. Петя со своим «показалось». Это были обычные мелочи. Из таких я раньше собирал целые папки.

Но она стояла передо мной в платье с карманом, и спрашивала она не про Ларису Аркадьевну.

— Можно, — сказал я. — Сегодня можно.

Марина выдохнула и взяла меня за руку. На моём рукаве, рядом с её пальцами, была розовая нитка. На её букете — розовая лента. Фотограф заметил это и крикнул, чтобы мы не двигались.

Мы не двигались.

* * *

Перед тем как спуститься к машинам, я оглянулся на окна

второго этажа.

В одном из них была видна Нина Петровна. Она несла к столу картонную коробку и что-то говорила через плечо. Наверное, следующей паре. «Проходим, мои хорошие».

Бланк. Старый. Основание на «ф». Проверить.

Я сказал себе это очень чётко, чтобы запомнить.

Потом Марина засмеялась внизу. Пуля утащила с её букета розовый лепесток и теперь носила его по ступеням, как трофей. Фёдор Кузьмич пытался его отобрать. Лариса Аркадьевна кричала «ой, собачка!», а Морок стоял рядом с машиной и держал для меня дверь.

Я спустился.

Решил, что проверю потом. Впереди у нас было много времени.

Так я тогда думал.

Глава 3. Горько

Марина. Сад у старой оранжереи. Тот же вечер.

В ту среду оранжерею действительно открыли.

Мы тогда пришли проверить, как договаривались, и долго стояли у входа, потому что внутри было жарко, как летом, а снаружи моросил обычный дождь. Лев сказал, что впервые видит место, где два разных климата не спорят, а просто стоят рядом. Я записала это в блокнот. Потом решила, что свадьба будет здесь. Сказала ему об этом месяца через два, и он ответил: «Я так и думал».

Сейчас стёкла оранжереи горели от закатного солнца. Перед ней в саду поставили длинный стол, на ветках висели лампочки, и кто-то уже включил музыку.

Музыка заиграла ровно в ту секунду, когда мы вошли в калитку.

— Опять, — сказала я.

— Совпадение, — сказал Лев.

— Ты сам в это не веришь.

— Не верю, — согласился он. — Но сегодня можно.

* * *

Лариса Аркадьевна всё взяла в свои руки минут за десять.

Сначала она пересадила Алису, потому что «подружке невесты положено ближе к цветам». Потом пересадила Гену, потому что он «загораживает маму от дочки». Потом поставила в центр стола большое блюдо, накрытое полотенцем, и сняла полотенце, как фокусник.

— Пирожки! — объявила она. — С корицей. Твои любимые, доченька.

Я корицу не люблю.

Не то чтобы ненавижу. Просто не люблю. Во всех кафе, куда мы ходили с Алисой, мне всё время сыпали корицу в кофе, хотя я каждый раз просила без неё. Лев это знал. Он однажды вернул стакан продавщице и сказал: «Простите, мы просили без».

Я почувствовала, что он смотрит на меня.

С корицей, — сказал его голос. Только это. Коротко, как отметка в протоколе.

— Знаю, — сказала я тихо.

Лариса Аркадьевна держала блюдо и ждала. Глаза у неё блестели. Она так старалась, что у неё даже помада чуть-чуть съехала в уголке рта.

Я взяла пирожок и откусила.

Корица. Много корицы. И тесто, очень мягкое, как будто его делали не для гостей, а для одного-единственного человека, которого очень ждали.

— Вкусно, — сказала я.

И это была правда. Корицу я всё равно не люблю. Но пи-

рожок был вкусный.

Лариса Аркадьевна просияла и пошла раздавать остальным. Лев ничего не сказал. Ни вслух, ни про себя. Только взял второй пирожок и тоже съел.

* * *

Тосты начались, когда все сели.

Первой встала Лариса Аркадьевна. Я так и думала.

Она подняла бокал, приложила платок к груди и посмотрела куда-то поверх стола, на оранжерею. Где-то за кустами тихонько заиграла скрипка. Гена завертел головой, но в этот раз искать не стал. Видимо, привык.

— Доченька, — начала Лариса Аркадьевна. — Я не умею говорить красиво.

Это была неправда, и все это сразу поняли.

Она говорила минут десять. Про то, как долго искала. Про то, как не спала ночами. Про бурю, после которой всё пошло не так. Про какой-то медальон, который потерялся, и про письмо, которое не дошло. Каждая история была понятная, а вместе они складывались во что-то, чего я никак не могла уложить в голове. Как будто пересказывали сразу четыре сериала.

Алиса слушала с открытым ртом. Фёдор Кузьмич достал платок. Семён смотрел на Ларису Аркадьевну очень внимательно, будто слышал что-то знакомое.

Морок сидел через два человека от меня. Он смотрел в свою тарелку и медленно ел пирожок. Не похоже было, что он верит хоть одному слову. Но он и не мешал.

— …и вот я здесь, — закончила Лариса Аркадьевна. — И ты здесь. И это самое главное. Горько!

— Ещё рано, — сказал Гена.

— Как рано?

— Сначала все тосты. Потом «горько».

Лариса Аркадьевна посмотрела на него так, будто он предложил отменить свадьбу. Потом сказала: «Ну хорошо» — и села. Скрипка за кустами недовольно взвизгнула и умолкла.

Потом она повернулась к Льву.

— А твои, зятёк? Мама, папа? Почему не пришли?

Стало тихо. Лев положил вилку.

— Их нет, — сказал он.

— Как нет?

— Так. Не было никогда. На Мокром берегу с этим не очень.

Я знала это и раньше. Мы говорили об этом один раз, ночью, на кухне, и потом больше не возвращались. У него был Морок, контора и радио. У меня была Алиса и кухня. Нам обоим казалось, что этого хватает.

Лариса Аркадьевна посмотрела на Льва. Потом протянула руку через стол и положила ему на ладонь ещё один пирожок.

— Ну ничего, — сказала она. — Теперь у тебя я.

Лев посмотрел на пирожок. Потом на неё. Я ждала, что он скажет что-нибудь про туфли или про вокзал, хотя бы про себя.

Ничего такого он не сказал. Только кивнул: «Спасибо».

* * *

Алиса говорила коротко.

— Я в этот раз не опоздала, — сказала она. — И такси не отменяла. Марин, я тебя очень люблю. Всё.

Она села и сразу закрыла лицо руками. Артём обнял её за плечи. Над столом пролетели две капли дождя, хотя неба не было видно за лампочками. Потом перестали.

Я посмотрела на Алису через стол. Она посмотрела на меня сквозь пальцы. Мы обе засмеялись.

Потом встал Гена.

Он долго мял салфетку. Тут, в саду, никто не смеялся за кадром. Поэтому было слышно, как шуршит салфетка, как стучит вилка у Пети и как Пуля под столом что-то жуёт.

— Ну, — сказал Гена. — Я шутить не буду. Тут всё равно не смеются.

Кто-то засмеялся. Просто так, по-настоящему. Гена удивился.

— Я хотел сказать, — продолжил он. — Чтоб у вас было… обычно. Ну вот. Чтоб обычно было. А то у вас всё время что-то случается. Пусть хоть немножко не случается.

Он сел и покраснел до ушей.

Я хотела сказать, что это лучший тост на свете. Не сказала. Просто кивнула ему через стол, и он кивнул в ответ.

* * *

Морок от тоста отказался. Сказал: «Я своё сказал утром Сомову, ему хватит». Петя хотел сказать что-то, но перепутал бокал с чашкой и пролил сок на свою коробку с подарком. Коробку спасли. Сок — нет.

Семён поднял руку.

Все замолчали. Говорить при людях он начал не так давно, и все это знали.

— Можно я… — сказал он и остановился. Подумал. — Поздравляю. Вот.

Он опустил руку. Фёдор Кузьмич похлопал его по плечу. Я сидела и чувствовала, что сейчас заплачу, и не понимала почему. Ничего же не произошло. Человек сказал одно слово.

Одно слово, — сказал рядом голос Льва. — *Совсем недавно у него была одна фраза на все случаи, и та чужая.*

Я нашла под столом его руку.

* * *

Перед танцами я утащила Льва в оранжерею.

Внутри было жарко и влажно, пахло землёй и чем-то сладким. Над головой шумели листья какого-то огромного дерева, у которого я так и не узнала названия. Снаружи, сквозь стекло, светились лампочки и двигались гости, как в аквариуме.

— Ну, — сказала я.

— Ну.

— Ты ей веришь?

Лев подумал. Он всегда думает, прежде чем ответить на такие вопросы. Раньше меня это бесило. Теперь нравилось.

— Не знаю, — сказал он. — Туфли новые. Сумки нет. Про вокзал врёт. — Он помолчал. — Но пирожки настоящие.

— Пирожки с корицей.

— Пирожки с корицей, — согласился он. — Но ты же съела.

— Съела.

— Вот и я не знаю.

Я засмеялась. Он тоже. Потом мы постояли молча. Где-то за стеклом Гена объяснял Пете, почему нельзя кричать «горько» до конца тостов. Петя записывал.

— Завтра что делаем? — спросила я.

— Спим.

— А потом?

— Потом завтракаем. Ты выбираешь еду.

— А в понедельник?

— В понедельник я в контору. Морок хочет показать, где что лежит. Говорит, если я опять не приду, он отдаст всё Пете.

— Петя обрадуется.

— Петя испугается.

— А в среду?

Лев посмотрел на меня.

— В среду — сюда, — сказал он. — Как обычно.

Мне очень понравилось это «как обычно». У нас никогда раньше не было ничего «как обычно». Я хотела записать, но блокнот был в кармане, а руки — у него на плечах.

Я решила, что запомню и так.

* * *

Потом были танцы.

Мы со Львом танцевали так же плохо, как на свадьбе у Алисы. Даже чуть хуже, потому что теперь на нас все смотрели. Лев два раза наступил мне на ногу. Я один раз наступила ему. Он сказал «ничья», и мы засмеялись.

Лариса Аркадьевна танцевала с Мороком. Вернее, она танцевала, а Морок стоял и терпел, но терпел очень аккуратно и даже немного переступал с ноги на ногу. Лидия смот-

рела на них со стороны и улыбалась так, будто знала что-то, чего не знали мы.

Алиса танцевала с Артёмом. Фёдор Кузьмич — с Пулей, которая не понимала, что это танец, но ей нравилось, что её держат на руках.

Музыка не кончалась.

Я заметила это не сразу. Песня шла, шла и никак не доходила до конца. Лампочки на ветках горели всё теплее. Солнце давно должно было сесть, а оно всё висело над крышей оранжереи, круглое и золотое, и никуда не уходило.

Я вытащила блокнот из кармана, прямо во время танца, и написала, не глядя: «Музыка не кончается. Солнце не садится. Как в конце».

— Ты что делаешь? — спросил Лев.

— Записываю.

— Сейчас?

— Лев, посмотри на солнце.

Он посмотрел. Нахмурился.

Слишком красиво, — сказал его голос. — *Так красиво бывает только перед титрами.*

Я хотела ответить. Хотела сказать, что у Алисы на свадьбе тоже было красиво, и ничего не кончилось, история пошла дальше. Хотела сказать, что это наша свадьба и что у нас продолжение зарегистрировано, Петя же сам говорил.

Но тут Лариса Аркадьевна вышла в центр, раскинула руки и крикнула на весь сад:

— Горько!

* * *

Её подхватили сразу.

Сначала Алиса, потом Фёдор Кузьмич, потом все остальные. Даже Морок что-то сказал, коротко и негромко. Гена начал считать.

— Горько! Горько!

Лев посмотрел на меня.

— Ну что, — сказал он. — Можно?

— Это же традиция.

— Это не ответ.

— Можно, — сказала я.

Он наклонился. Я закрыла глаза.

— Раз! — считали гости. — Два! Три!

Я слышала, как стучит сердце, моё или его. Слышала, как тихо, где-то совсем рядом, начинает играть скрипка. Слышала, как Пуля гавкнула один раз, коротко.

— Четыре! Пять! Шесть!

А потом я услышала голос Льва. Не вслух. Тот, другой.

И тогда я понял, что…

Дальше он не договорил.

— Семь, — считали гости. — Восемь…

Девятого я уже не услышала.

В тот вечер больше ничего не было. Совсем ничего.

Глава 4. Год спустя

Лев. Чужая кухня. Воскресенье, утро.

— …восемь, — сказал я.

Никто не считал дальше.

Я стоял на кухне и держал в руке чашку. Чашка была горячая. Я чувствовал её ладонью раньше, чем понял, что это чашка, и раньше, чем понял, что это кухня.

Губы ещё помнили поцелуй. В ушах ещё стоял счёт. Скрипка, лампочки, Пуля, чей-то смех. А вокруг было утро, тихое, обычное, и пахло кофе.

Я стоял посреди кухни, которую видел первый раз в жизни. Кухня, кажется, видела меня не первый.

Я поставил чашку на стол.

На столе стояла вторая. Такая же, только с отбитым краем. Возле неё лежала ложка, и на ложке была пенка. Кто-то пил кофе минуту назад и ушёл.

* * *

Сначала я сделал то, что делал всегда. Огляделся.

Плита на две конфорки. Чайник, ещё тёплый. Холодильник, весь в магнитах и записках. Окно на реку. Из окна был виден мост. Наш мост, Разводной, только с другой стороны и выше, чем я привык.

На подоконнике стояло моё радио.

Я узнал его сразу. Старое, деревянное, с трещиной на ручке громкости, которую я сам заклеивал. Оно тихо работало.

Кто-то говорил про погоду на выходные.

Моё радио. Чужая кухня.

Я подошёл к холодильнику.

Записок было много. «Хлеб». «Позвонить Гене про полку». «Не трогать карту на столе, сохнет». Последняя была моим почерком: «Л. — цветы для М., заказать у Лидии. НЕ ЗАБЫТЬ». Слово «не забыть» было подчёркнуто два раза.

Я не помнил, как это писал.

Рядом висел календарь. Обычный, с картинками. На картинке была оранжерея, та самая. Наверху стоял год.

Я прочитал его. Потом прочитал ещё раз.

Год был следующий.

Воскресенье было обведено красным. Число то же, что у нашей свадьбы. Только свадьба была в субботу. Когда число то же, а день недели сдвинулся, значит, прошёл ровно год.

Внутри круга почерком Марины было написано: «Годовщина!!» Два восклицательных знака. Марина никогда не ставит два восклицательных знака.

В нуаре у всего есть цена. Я просто не ожидал, что за один поцелуй выставят счёт в целый год.

* * *

— Где я? — сказал я вслух.

И кухня засмеялась.

Не кто-то в кухне. Сама кухня. Откуда-то сверху и со всех

сторон, дружно, громко, как смеются в зале, когда герой сказал что-то очень смешное. Человек тридцать, не меньше.

Я замер.

Смех стих так же сразу, как начался.

Я знал этот смех. Я слышал его в Хохотово, когда Гена пытался говорить серьёзно. Только там он шёл из-за стен. А здесь стен было не нужно. Он шёл прямо из воздуха.

Я осторожно взял чашку, чтобы отпить и подумать. Чашка выскользнула, стукнула о стол, кофе плеснул на скатерть.

Смех.

— Да ладно, — сказал я.

Снова смех. Кто-то в невидимом зале даже захлопал.

Я перестал говорить.

* * *

Марина появилась в дверях через минуту.

В пижаме, которую я никогда не видел. Волосы в разные стороны. В руке телефон, в другой — синий блокнот, прижатый к груди, как щит.

Она посмотрела на меня. Я посмотрел на неё.

— Лев, — сказала она. — Какое сегодня число?

Смех.

Марина вздрогнула и оглянулась на потолок.

— Это что?

— Не знаю, — сказал я.

Смех.

Мы оба замолчали. Марина подошла ко мне, медленно, будто пол мог провалиться, и остановилась совсем близко.

Она подошла так, как подходят к человеку, в котором не уверены. Я тоже не был в себе уверен.

— Я слышу, — прошептала она.

— Знаю.

Смеха не было. Шёпот, видимо, не считался.

— Что ты последнее помнишь? — спросил я шёпотом.

— Восемь, — сказала Марина. — Они считали. А потом я стою в ванной и чищу зубы. И на мне вот это.

Она дёрнула пижаму за рукав. На рукаве были нарисованы маленькие такси.

— У меня тоже восемь, — сказал я. — А потом чашка.

Я показал ей календарь. Она прочитала год. Прочитала круг. Прочитала два восклицательных знака и закрыла рот рукой.

— Это я написала, — сказала она сквозь пальцы.

— Я понял.

— Я никогда не ставлю два.

— Я знаю.

* * *

Мы пошли в ванную.

Не сговариваясь. Просто посмотрели друг на друга, Ма-

рина кивнула на коридор, и мы пошли. Там было тесно: стиральная машина, полотенца, две зубные щётки в одном стакане. Я закрыл дверь.

— Ну? — сказала Марина нормальным голосом.

Тишина.

— Ну? — повторила она громче.

Тишина. Никто не смеялся.

Марина села на край ванны. Я сел на стиральную машину. Она немного качнулась.

— В ванной не смеются, — сказала Марина.

— В ситкомах ванную не показывают, — сказал я. — Гена говорил. Я тогда не понял, зачем мне это знать.

— Значит, мы в ситкоме.

— Значит, в ситкоме.

Она помолчала.

— Лев, это год.

— Год.

— Целый год.

— Да.

— Это склейка, — сказала она. — Как раньше у меня. Субботы пропадали, дни. Только раньше был день. А теперь год.

Она говорила спокойно. Слишком спокойно. Я видел, как у неё дрожат пальцы на блокноте.

Я слез со стиральной машины и сел рядом с ней на край ванны. Ванна была узкая. Мы поместились, если не двигать-

ся.

— Мы живём здесь, — сказал я. — Это наша квартира.

— Я её не помню.

— Я тоже. Но там моё радио.

— А там, — Марина кивнула на дверь, — на стене мои карты. Я видела, пока шла. Какие-то дворы. Я их не рисовала. То есть рисовала. Но не помню.

Я взял её руку.

На её пальце было кольцо. То самое, которое я надел вчера. Год назад. Я посмотрел на свою руку.

Кольца не было.

На безымянном пальце осталась светлая полоска, ровная, как от часов. Кольцо там было. Долго было. А сейчас его не было.

Марина тоже это увидела.

— Где кольцо? — спросила она.

— Не знаю.

— Ты его снял?

— Не знаю, Марина. Я не знаю, что я делал вчера. И позавчера. И весь год.

Вышло громче, чем я хотел. За дверью, на кухне, кто-то неуверенно хихикнул. Как будто не был уверен, смешно это или нет.

Марина сжала мою ладонь, ту, без кольца.

— Ладно, — сказала она. — Найдём.

* * *

Мы просидели в ванной минут двадцать.

Проверили телефоны. У меня было сорок семь непрочитанных сообщений. Я открыл последнее от Марины, вчерашнее: «Купи молоко. И помни, завтра годовщина

». Молоко, судя по холодильнику, я купил. Сердечко Марина раньше тоже никогда не ставила.

Она листала свой телефон. Остановилась на какой-то фотографии, посмотрела, быстро пролистала дальше.

— Что там? — спросил я.

— Потом, — сказала она. — Я ещё сама не поняла.

Я не стал настаивать. Голос у меня внутри уже начал складывать фразу про женщину, которая что-то прячет. Я его остановил. Не сейчас. Не про неё.

Марина открыла блокнот.

Я видел, как она перелистывает страницы. Сначала знакомые: «Суббота. Всё идеально. Подозрительно. Птица». «Музыка не кончается. Солнце не садится. Как в конце». Потом незнакомые. Много. Её почерком. Списки, адреса, маленькие схемы дворов, какие-то даты.

Она листала быстро, как будто боялась прочитать что-ни-

будь лишнее. Потом остановилась. Посмотрела на одну страницу. И закрыла блокнот.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — сказала Марина.

Она сказала «ничего» тем голосом, которым люди говорят «очень много чего».

Марина посмотрела на меня. Она слышала.

— Лев, — сказала она. — Дай мне час. Один час. Я разберусь, что тут, и скажу.

Я хотел спросить. Хотел взять блокнот и прочитать сам. Так поступил бы Морок. Так поступил бы и я, раньше, если бы речь шла о деле.

Но речь шла не о деле.

— Час, — сказал я.

— Спасибо.

* * *

Мы вышли из ванной вместе и сначала пошли не на кухню, а в комнату.

Комната была большая, светлая, с двумя окнами. У одной стены стоял диван. Я его узнал: тот самый, небольшой, который Марина купила в свою новую комнату. Только теперь рядом с ним стояло моё кресло. Я своё кресло тоже узнал. Оно скрипело, и я его так и не починил. Сел — скрипнуло.

Значит, не починил и за год.

На стене над столом висели Маринины карты. Не две, как раньше, а штук пятнадцать. Дворы, лестницы, арки, стрелки. На некоторых сбоку были приклеены записки: «Сдать до пятницы», «Клиент просил крупнее», «Оплачено».

— Клиент, — прочитала Марина. — У меня клиенты?

— Видимо.

— Я им карты рисую? За деньги?

— «Оплачено», — сказал я. — Значит, за деньги.

Она подошла ближе и долго смотрела на одну карту. Двор с лестницей и аркой. В углу стояла подпись, её, аккуратная, новая. «М. Мостовая». Вчера в ЗАГСе она расписалась старой подписью, ещё не переделанной под новую фамилию. Эта выглядела так, будто она писала её всю жизнь.

На другой стене висели фотографии.

Первая — со ступеней ЗАГСа. Мы с Мариной посередине, Лариса Аркадьевна у неё под рукой, Алиса с другой стороны, Пуля с лепестком в зубах. Я помнил этот кадр. Помнил, как фотограф кричал, чтобы мы не двигались.

Это было вчера. Так мне казалось.

Рядом висели другие. Марина на каком-то берегу, в огромной кофте, хохочет. Я с перебинтованным пальцем держу молоток. Мы вдвоём у ёлки, и у меня на голове бумажная корона. Гена, Семён и Морок за столом, все трое в одинаковых свитерах.

Я ничего этого не помнил.

Я стоял перед стеной с доказательствами. Доказатель-

ства говорили, что я был счастлив. Свидетелей защиты у меня не было.

Марина взяла меня за руку.

— Это ты в короне, — сказала она.

— Это я в короне.

— Тебе идёт.

— Я не помню, чтобы мне шло.

Она засмеялась, коротко и не очень весело, и мы пошли на кухню.

На кухне было тихо. Радио рассказывало про пробки на набережной. Кофе на скатерти уже высох и оставил коричневое пятно в форме почти правильного круга.

Я подумал, что надо позвонить Мороку. Потом Пете. Потом Гене, раз мы теперь у него в жанре. Надо выяснить, что случилось, кто это сделал и как вернуть. Обычная работа. Список, вопросы, папка.

От этой мысли стало немного легче.

Марина стояла у холодильника и читала записки. Читала медленно, одну за другой, шевеля губами. Дошла до моей, про цветы, и улыбнулась.

— Ты собирался мне цветы заказать, — сказала она.

— Видимо.

— На годовщину.

— Видимо.

— Которая сегодня.

Смех. Короткий, тёплый, как будто зал умилился.

Марина закатила глаза к потолку. Потом посмотрела на меня, и я увидел, что она сейчас заплачет или засмеётся, и сама ещё не решила.

Тут у неё в руке зазвонил телефон.

Она посмотрела на экран. Я посмотрел через её плечо.

На экране было написано: «Мама».

Марина подняла на меня глаза.

Кухня засмеялась громче, чем за всё утро.

Глава 5. Наша квартира

Марина. Квартира у моста. То же воскресенье.

— Алло, — сказала я.

Кухня засмеялась.

Я отвернулась к окну, как будто так можно было спрятаться от зала, которого нет.

— Доброе утро, доченька! — сказала Лариса Аркадьевна. Голос был бодрый, тёплый, утренний. Голос человека, который звонит каждый день и знает, что ему обрадуются. — С годовщиной вас! Я не мешаю? Я быстро.

— Не мешаете, — сказала я.

— Я в двенадцать занесу пирог, как договаривались. И сразу уйду, не волнуйся. Я помню, что у вас сегодня своё.

Как договаривались.

Я посмотрела на Льва. Он стоял у холодильника и делал вид, что читает записку про хлеб. Читал он её уже второй раз.

— Хорошо, — сказала я. — В двенадцать.

— Целую! Зятю привет!

Она отключилась.

Я положила телефон на стол экраном вниз.

— Привет тебе, — сказала я.

— Я слышал.

Смех. Тихий, понимающий.

Лев посмотрел на потолок так, как смотрел на подозреваемых. Потолок не смутился.

* * *

Час, который он мне дал, я решила начать с кофе.

Я не думала, где у нас кофе. Просто пошла и сделала. Рука сама открыла второй шкафчик слева, сама достала банку, сама нашла ложку в ящике под плитой. Турку я сняла с крючка, которого не помнила, и поставила на конфорку, которую выбрала, не глядя.

Когда кофе начал подниматься, я поняла, что сделала.

И сразу забыла, где сахар.

Я стояла посреди кухни и смотрела на шкафчики. Шесть одинаковых белых дверец. В одной из них был сахар. Я пила здесь кофе каждое утро целый год и не знала, в какой.

— Где сахар? — спросила я вслух.

Смех.

— Справа, верхний, — сказал Лев.

Мы оба замолчали.

— Ты откуда знаешь? — спросила я.

Он посмотрел на свою руку. Рука стояла на ручке верхнего правого шкафчика. Он открыл. Сахар был там.

— Не знаю, — сказал он. — Рука знает.

— У меня тоже. Пока не думаю — знаю. Как только начинаю думать — нет.

Лев закрыл шкафчик и долго смотрел на него.

Мы прожили здесь год. Голова об этом не знала. Руки — знали. Я впервые в жизни завидовал собственным рукам.

Я слышала. Я налила ему кофе и положила две ложки сахара. Сколько он кладёт, я тоже не помнила. Рука положила две.

Он попробовал и кивнул.

— Правильно.

* * *

Лев ушёл в комнату звонить. Сказал, что начнёт с Морока: если кто-то в городе знает, что делать, когда у тебя пропал год, то он. Потом Петя. Потом Гена, раз уж мы теперь в его жанре.

Я осталась на кухне одна, с блокнотом и телефоном.

Начала с телефона, потому что он казался проще.

Сообщений было много. Большинство — от людей, которых я знала. Алиса, Гена, Фёдор Кузьмич, который писал без знаков препинания и подписывался «Ф. К.». Петя присылал какие-то ссылки на документы. Лариса Аркадьевна писала каждый день. Каждый. Иногда по три раза.

«Доброе утро, доченька».

«Как спалось?»

«Купила тебе тот хлеб, который ты любишь, с семечками. Занесу».

«Ты опять работаешь допоздна? Поешь!!!»

Восклицательных знаков у неё было много. Видимо, это от неё я научилась ставить два.

Были и незнакомые имена. «Анна Викторовна, Сенная 4». «Олег, двор с аркой». «Тамара Петровна (лестница!!)». Я открыла последнее сообщение от Анны Викторовны: «Марина, добрый день! Карта будет к пятнице? Внуки очень ждут, хотят повесить в прихожей».

Значит, это были клиенты. Мои клиенты. Я рисовала их дворы, и их внуки ждали, чтобы повесить мою карту в прихожей.

Я не знала, что ответить. Написала: «Да, к пятнице». Потом подумала, что понятия не имею, какая карта и в каком она состоянии, и стёрла. Потом подумала, что на стене в комнате висит пятнадцать карт и на одной написано «Сдать до пятницы», и написала снова.

Отправила.

Анна Викторовна сразу прислала три сердечка.

* * *

Потом я нашла ту фотографию.

Ту, которую пролистала утром в ванной, потому что испугалась.

На фотографии была я. Сидела на диване в нашей комнате, в той огромной кофте с берега. На коленях у меня ле-

жал свёрток. Маленький, в жёлтом одеяле. Из одеяла торчала крошечная рука и держала меня за палец.

Я смотрела на эту руку и не могла понять, чья она.

Под фотографией ничего не было. Ни подписи, ни сообщения. Просто снимок, сделанный в марте.

Я подумала про Алису. Подумала, что надо ей позвонить. Набрала номер и сбросила, пока не пошёл гудок. Если это то, что я думаю, я не хотела узнать это по телефону. И уж точно не хотела, чтобы кухня в этот момент засмеялась.

Я написала Алисе: «Можно я к тебе приду? На днях. Мне надо поговорить». Алиса ответила почти сразу: «Конечно!! Только не раньше вторника, у нас тут…» Дальше сообщение обрывалось. Через минуту пришло второе: «Прости, руки заняты. Во вторник. Целую».

Руки заняты.

Я посмотрела на крошечную руку на фотографии и закрыла телефон.

* * *

В двенадцать позвонили в дверь.

Я открыла. Лариса Аркадьевна стояла на площадке с пирогом, накрытым полотенцем. Без шляпки. В обычной вязаной кофте, с сумкой через плечо, из которой торчал зонтик и пучок укропа.

Она выглядела не как женщина из сериала. Она выглядела

как чья-то мама.

— Я на минуточку, — сказала она. — Держи. Не урони.

Я взяла пирог. Он был тёплый.

— Спасибо.

— Он без корицы, — сказала Лариса Аркадьевна. — Ты же не любишь.

Я подняла голову.

Она смотрела на меня спокойно, просто, без всякой скрипки. Как будто сказала, что на улице тепло. Как будто это всегда было известно и тут не о чем говорить.

Год назад она принесла мне пирожки с корицей и назвала их моими любимыми.

Сейчас она знала, что я корицу не люблю.

Значит, за этот год она это узнала. Узнала, как узнают про человека, которого видят каждый день. И запомнила. И пекла теперь без корицы.

— Мариночка? — сказала она. — Ты чего?

— Ничего, — сказала я. — Просто… спасибо.

— Да за что. — Она махнула рукой. Потом посмотрела на меня внимательнее. — Ты какая-то бледная. Ты поела?

— Кофе пила.

— Кофе — это не еда. Поешь пирога. И Лёву накорми. Он вчера опять на ужин один хлеб ел, я видела.

Видела. Вчера. А я не видела.

— Хорошо, — сказала я.

— Ну всё, я побежала. — Она поцеловала меня в щёку

быстро, привычно, как целуют, когда завтра опять увидятся.

— С годовщиной, доченька. Не ссорьтесь.

— Мы не ссоримся.

— Все ссорятся. — Она подмигнула. — Главное — мириться.

Она пошла вниз по лестнице. Я стояла в дверях с тёплым пирогом и смотрела ей вслед. На повороте она оглянулась и помахала мне. Я помахала в ответ.

Скрипки не было. Ни одной ноты.

Я закрыла дверь и поняла, что в прихожей тоже никто не смеялся.

* * *

Пирог я поставила на кухне. Лев всё ещё говорил по телефону в комнате. Я слышала его голос, обычный, рабочий: «Да. С сегодняшнего утра. Нет, ничего. Совсем».

Я села за стол и открыла блокнот.

Сначала шли страницы, которые я помнила. Свадьба. «Птица». «Как в конце». Дальше — нет.

Почерк был мой. Иногда торопливый, иногда аккуратный. Списки покупок. Адреса дворов. Маленькие схемы с лестницами и арками. «Тамара Петровна — лестница чугунная, 1903? Уточнить». «Купить Лёве нормальный шарф». «Гена: полка. Шурупы 4×40». Записи про погоду, про сны, про то, что кто-то сказал на улице. Всё обычное, скучное, моё.

Я читала и не узнавала ни одного дня.

Где-то в середине, на странице с осенней датой, была запись короче остальных. Посередине листа, отдельно, без даты и без списка вокруг. Три слова. Подчёркнуто дважды.

«Не говори Льву».

Я перечитала. Потом ещё раз. Почерк мой, ручка синяя, нажим сильный, как будто я очень торопилась или очень боялась забыть.

Не говори Льву. Что не говорить? Почему? Когда я это писала, я знала. А теперь не знала, и спросить было не у кого. Кроме себя самой, годовой давности. А та молчала.

Я перевернула страницу и стала читать дальше. Медленно, каждую строчку. Если ответ где-то есть, то здесь.

Ответа не было. После «Не говори Льву» шли те же дворы, шурупы и списки покупок. Октябрь. Ноябрь. Ни слова о том, что не говорить и почему. Последняя запись стояла в конце ноября: «Хлеб. Молоко. Лёве — капли от насморка». Дальше страницы были чистые. Штук двадцать, белые, нетронутые.

Я никогда не бросаю блокнот на середине. Если в ноябре я перестала в нём писать, значит, завела другой.

Я обошла всю квартиру. Стол, ящики, полку над диваном, сумки, даже коробку с нитками. Другого блокнота не было нигде.

Если я написала себе «не говори», значит, у меня была причина. Я себя знаю. Я не пишу такое просто так. И не пря-

чу блокноты просто так.

Или знала. Год назад.

* * *

Лев вышел из комнаты минут через десять.

— Морок не отвечает, — сказал он. — Петя тоже. Воскресенье. Гена сказал, приходите в пятницу, он всё объяснит про смех, а сейчас у него Семён и суп. — Он посмотрел на пирог. — Это она принесла?

— Она.

— С корицей?

— Без, — сказала я. — Она знает, что я не люблю.

Лев помолчал.

Год назад она этого не знала. А теперь знает. Люди так узнают друг друга. Или так готовятся.

— Лев, — сказала я.

— Прости.

Он сел напротив. Посмотрел на блокнот, потом на меня.

— Час прошёл, — сказал он. — Ты что-нибудь нашла?

Я держала блокнот двумя руками. Он лежал у меня на коленях, закрытый.

Не говори Льву.

Я не знала, что это значит. Не знала, правильно ли это. Знала только, что год назад я, судя по всему, неплохо понимала, что делаю. Лучше, чем сейчас.

— Ничего такого, — сказала я. — Списки. Дворы. Шурупы.

И кухня сказала:

— О-о-о-о.

Протяжно, всем залом. Как говорят в ситкомах, когда герой врёт, а зрители уже знают.

Лев медленно поднял бровь.

Я встала, взяла нож и начала резать пирог. Резала очень старательно, на ровные куски, как будто от этого что-то зависело.

Лев смотрел на меня. Голоса я не слышала. Он молчал даже про себя.

И это было хуже всего.

Глава 6. Контора

Лев. Мокрый берег. Понедельник.

Утром я ушёл раньше, чем Марина встала.

Не потому что сбежал. Так я себе сказал. Просто в восемь нужно было быть в конторе, а она спала, отвернувшись к стене, и я не стал будить. Написал записку и повесил на холодильник рядом с остальными: «Я в конторе. Позвоню. Л.»

Потом посмотрел на неё. Подумал и дописал: «Пирог вкусный».

Кухня промолчала. Видимо, записки не считались.

Вчера она сказала мне «ничего такого». Я двадцать раз слышал эти слова от людей, которые что-то прятали. Ни разу — от человека, которого любил. Оказалось, звучат они одинаково.

Я закрыл дверь тихо. Тише, чем было нужно.

* * *

На Мокром берегу шёл дождь.

Это меня даже обрадовало. Хоть что-то было на своём месте. Мост, фонари, мокрая брусчатка, саксофон из чьего-то окна на третьем этаже. Город вокруг снова стал чёрно-белым, привычным, и мне сразу стало легче дышать.

Контора была там же, где всегда. Дом с облезлой лестницей, второй этаж, дверь с матовым стеклом.

На стекле было написано: «Сомов. Частные расследования».

Раньше там было «Морок». Ниже, мелко, «и помощник». Помощник — это был я.

Теперь «Морок» исчез. Буквы «Сомов» были новые, аккуратные, но на краю стекла ещё оставался тонкий след от старой надписи. Кто-то соскребал её не очень старательно. Я подозревал, что этот кто-то был я.

Ключ нашёлся в кармане пальто. Подошёл с первого раза.

* * *

Внутри всё было почти как раньше.

Тот же стол у окна, тот же шкаф с папками, та же вешалка, на которую Морок много лет вешал одну и ту же шляпу. Шляпы не было. На её месте висел мой шарф. Серый, тёплый, явно новый. Я такой не покупал. Я вообще не покупаю себе шарфы.

Значит, кто-то купил.

Я сел за стол. Кресло Морока подо мной скрипнуло так же, как скрипело под ним. Хоть что-то он мне оставил.

На столе лежали бумаги. Мой почерк. Мои папки. Дела, которые я вёл весь этот год и не помнил ни одного.

«Ветрова. Кот. Найден у соседей (кормили)».

«Пашкин. Жена думает, что ходит на сторону. Ходит на бокс. Сообщить жене или нет — решает он сам».

«Ромашкины. Пропало кольцо. Нашлось в стиральной машине. Плата — банка варенья».

Я листал и не верил. Ни одного убийства. Ни одной роковой женщины. Ни одного фонаря, под которым кто-то исчез. Кошки, кольца, бокс и варенье.

Я год работал частным сыщиком на Мокром берегу. И, судя по бумагам, был в этом счастлив. Морок назвал бы это деградацией. Я почему-то назвал бы это жизнью.

На стене над столом висел листок. Тоже моим почерком: «Цены». Час работы. Выезд. Скидка пенсионерам. Ещё ниже кто-то дописал другой рукой, круглой и с завитушками: «И не забывай обедать!!!»

Три восклицательных знака. Лариса Аркадьевна.

Значит, она и сюда приходила.

* * *

Я позвонил Мороку в половине девятого.

Он ответил на втором гудке. На заднем плане что-то шкворчало.

— Сомов, — сказал он. — Ты чего так рано? У тебя сегодня выходной, ты сам говорил. Годовщина же была.

— Была, — сказал я. — Мне надо поговорить.

— Говори.

Я рассказал. Коротко, как он учил: что видел, что знаю, чего не знаю. «Горько». Восемь. Чужая кухня. Год.

Шкворчание на заднем плане стихло. Кто-то выключил плиту.

— Год, — сказал Морок.

— Год.

— Всё?

— Всё. Я не помню, как ушёл на пенсию ты. Не помню, как контора стала моей. Не помню, кто соскребал «Морок» со стекла.

— Ты, — сказал Морок. — Бритвой. Порезался, кстати. Марина тебе палец бинтовала.

Перебинтованный палец с фотографии. Молоток. Значит, бритва и молоток были в один день. Или в разные. Я не знал.

— А Марина? — спросил Морок.

— Тоже.

Он помолчал.

— Ну, — сказал он наконец. — Это нехорошо.

От Морока это было как от любого другого человека крик.

— Что мне делать?

— Работать, — сказал Морок. — Что ещё. Ты сыщик или кто? Пропало — ищи. Не знаешь, где искать, — ищи, кто ещё потерял. Одна пропажа — это случайность. Две — это уже дело.

На заднем плане женский голос что-то спросил. Негромко, спокойно.

— Сейчас, — сказал Морок не в трубку. Потом мне: — Лидия передаёт привет.

Лидия. У Морока дома. В половине девятого утра, у плиты.

Я открыл рот, чтобы спросить. Морок меня опередил.

— Не сейчас, Сомов, — сказал он. — Это ты тоже знал. Потом вспомнишь. Или я расскажу.

И положил трубку.

* * *

Клиенты пришли в десять.

Я их не ждал. Я вообще не знал, что в понедельник у меня приём. Просто в десять постучали в матовое стекло, и я сказал «войдите», как говорил это раньше Морок. Голос вышел похожий. Это меня немного напугало.

Вошли двое. Молодые, мокрые, под одним зонтом на двоих, который ничего не спасал.

Он — высокий, худой, в куртке, застёгнутой не на ту пуговицу. Она — маленькая, в жёлтом плаще, с таким лицом, как будто она уже всё решила и пришла только сообщить.

— Сомов? — спросила она.

— Да.

— Нам сказали, вы ищете то, что пропало.

— Ищу.

— Хорошо. — Она села на стул для клиентов, не дожида-

ясь приглашения. Он остался стоять. — Мы Кольцовы. Света и Костя. У нас пропал год.

Я медленно положил ручку.

* * *

— Расскажите, — сказал я.

Рассказывала Света. Костя иногда кивал, а один раз попытался вставить слово, но Света посмотрела на него, и он передумал.

В субботу они сидели в ресторане. Годовщина у них была в воскресенье, но в воскресенье у Кости смена, и отмечать решили накануне. Свеча, торт, официант с цветами. Костя держал бокал и говорил тост. А потом посреди тоста понял, что не знает, кому его говорит.

— То есть знает, — поправила Света. — Мне. Но не помнит, почему мы в ресторане. Последнее, что он помнит, — как нам кричат «горько».

— Вы тоже? — спросил я.

— Я тоже, — сказала Света. — Я подняла глаза, а на торте написано «Год вместе». Я подумала: какой год? Мы вчера расписались.

— А на самом деле?

— А на самом деле мы расписались год назад, — сказала Света. — В ту же субботу, что и вы.

Я посмотрел на неё.

— Откуда вы знаете, когда расписался я?

— Мы были в ЗАГСе после вас, — сказала она. — В очереди стояли. Я видела вашу невесту. Там ещё женщина в шляпке бежала через весь зал и кричала «доченька». Такое не забудешь. — Она поморщилась. — Хотя мы, видимо, забыли всё остальное.

Костя кашлянул.

— А ещё у нас собака, — сказал он.

— Какая собака?

— Не знаю. Рыжая. Большая. Утром сидела у кровати и смотрела на меня, как на родного. А я её первый раз вижу. — Он помолчал. — И у меня татуировка.

Он закатал рукав. На запястье было написано «Света» и нарисовано маленькое кривое сердце.

— Я боюсь иголок, — сказал Костя. — Я с детства боюсь иголок. И вот.

Света посмотрела на его запястье и вдруг улыбнулась. Первый раз за весь разговор.

— Красиво, вообще-то, — сказала она.

— Правда?

— Сердце кривое.

— Это не я рисовал.

— Ты выбирал, видимо.

Они посмотрели друг на друга. Я сидел и думал, что, наверное, мы с Мариной вчера смотрели друг на друга так же. Растерянно, но не зло. Как люди, которые нашли что-то хо-

рошее и не помнят, где взяли.

* * *

— Кто вас регистрировал? — спросил я.

— Такая женщина, — сказала Света. — Пожилая. Очки на цепочке. Брошка в виде голубя. Всё время говорила «мои хорошие».

— Нина Петровна.

— Наверное.

— Бланк какой был?

Света удивилась.

— Обычный. Красивый. Старинный такой, с завитками. Я ещё подумала, как в кино. Сфотографировала на память.

Она достала телефон, полистала и протянула мне.

Свидетельство лежало на столе ЗАГСа, рядом с букетом. Жёлтая бумага. Рамка с завитками. Та же, что была у нас. Печать стояла немного в стороне. Видимо, у Нины Петровны в тот день дрогнула рука, или она торопилась к следующей паре.

Внизу, мелко, без всякой печати сверху, было напечатано:

«Основание: финальная сцена».

Я увеличил фотографию. Прочитал ещё раз. Потом ещё.

Основание на «ф». Финальная. Год назад я прочитал одну букву и решил проверить потом. Потом наступило через год. Как раз вовремя, чтобы проверять было уже поздно.

— Что это значит? — спросила Света. Она смотрела на моё лицо, а не на телефон.

— Пока не знаю, — сказал я. — Но у меня такой же.

— Такой же бланк?

— Такой же год.

Костя сел наконец на второй стул. Медленно, как садятся люди, у которых подкосились ноги.

* * *

Я записал всё. Даты, время, имена, приметы, фотографию свидетельства. Попросил прислать её мне. Света прислала сразу, без вопросов.

Потом я посмотрел на листок с ценами.

— Я не знаю, сколько с вас взять, — сказал я честно. — У меня тут написано, но я не помню, что это значит.

Света посмотрела на листок, потом на меня.

— Давайте так, — сказала она. — Найдёте, кто это сделал, — заплатим по вашему листку. Не найдёте — испеку вам что-нибудь.

— Договорились.

— И собаку не отдадим, — сказал Костя. — Даже если окажется, что она не наша.

— Она ваша, — сказал я. — У неё на ошейнике наверняка ваш телефон.

Костя подумал. Потом достал свой телефон и показал за-

ставку. На заставке была рыжая собака в бумажной короне.

Почти такой же, как у меня на фотографии у ёлки.

Мы втроём посмотрели на эту корону и ничего не сказали.

* * *

Когда они ушли, я позвонил Пете.

Петя ответил сразу, как будто держал телефон в руке.

— Лев? — сказал он. — Лев, вы… вы тоже?

— Что «тоже»?

— Вы тоже звоните сказать, что пропал год?

Я помолчал.

— Сколько у тебя таких звонков, Петя?

— С субботы? — Я слышал, как он листает бумаги. — Четыре. Вы пятый. Нет, шестой, ещё Кольцовы приходили к нам утром, но я их к вам отправил, потому что у нас нет такого отдела…

— Это ты их ко мне отправил?

— Я, — виновато сказал Петя. — Я думал, вы знаете, что делать. Вы всегда знаете.

Я посмотрел на свои папки. Кот, бокс, варенье. Год, которого я не помнил.

— Петя, — сказал я. — Когда можно прийти и посмотреть записи?

— В среду, — сказал он. — Раньше не дадут допуск. Я попробую поднять все случаи. И ваш тоже.

— И наш тоже.

— Лев, а Марина как?

Я подумал про записку на холодильнике. Про «ничего такого». Про «О-о-о» на всю кухню.

— Нормально, — сказал я.

Петя помолчал. Он не был сыщиком, но и дураком тоже не был.

— Ладно, — сказал он. — До среды.

* * *

Я положил трубку и долго сидел в кресле Морока.

Дождь за окном шёл ровно, никуда не торопясь. Внизу кто-то ругался с мокрым зонтом. Саксофон на третьем этаже доиграл свою мелодию и начал сначала.

Я выдвинул ящики стола, просто чтобы чем-то занять руки. В верхнем были ручки, скрепки и пачка печенья. Во втором — старые блокноты Морока. Третий был заперт.

Я подёргал. Заперт крепко.

Ключа на связке не было. Я проверил дважды. Ключ от двери, от квартиры, от почтового ящика. Маленького ключа от ящика стола среди них не нашлось.

Я посмотрел на светлую полоску на пальце. Кольцо пропало. Ключ пропал. Год пропал.

Я сидел в конторе, которая была моей, перед ящиком, который запер я сам, и не мог его открыть. Если бы мне год

назад рассказали такое про клиента, я бы сказал, что клиент что-то скрывает.

От себя, видимо, тоже можно.

Я достал блокнот и написал на чистой странице: «Год. Финальная сцена. Нина Петровна. Кольцовы — не первые. Шесть случаев. Мы — не последние».

Подумал и дописал внизу: «Ящик».

Потом закрыл блокнот, надел шарф, который мне кто-то купил, и пошёл домой. Под дождём. Без зонта.

Зонт, судя по всему, я тоже где-то потерял за этот год.

Глава 7. Алиса

Марина. Сиреневый квартал, квартира Алисы и Артёма. Вторник.

В понедельник вечером мы со Львом были очень вежливые.

Он пришёл мокрый, без зонта. Я дала ему полотенце. Он сказал «спасибо». Я спросила, как в конторе. Он сказал «нормально» и рассказал про Кольцовых: про собаку, про татуировку, про фотографию бланка. Я слушала и кивала. Он слушал, как я рассказываю про клиентов с картами, и тоже кивал.

Кухня смеялась на каждом третьем слове. Мы старались говорить поменьше.

Про блокнот он не спросил. Я не сказала.

Мы съели оставшийся пирог, помыли посуду и легли спать. Он на своей стороне, я на своей. Между нами было сантиметров двадцать, не больше. Раньше я не знала, что двадцать сантиметров — это так много.

Утром он опять ушёл раньше. На холодильнике висела новая записка: «В конторе. Удачи у Алисы. Л.»

Про пирог в этот раз ничего не было. Пирог кончился.

* * *

Алиса жила в Сиреневом квартале, в том же доме, куда переехала к Артёму перед свадьбой. Третий этаж, дверь с венком из сухих цветов. Венок я помнила. Под ним теперь висела табличка, которой я не помнила: «Не звоните, стучи-

те. Спит!!!»

Я постучала.

Дверь открыла Алиса. В растянутой футболке, с пучком на макушке, без косметики. На бедре у неё сидел ребёнок.

Маленький. В полосатом комбинезоне. С круглой лысой головой и серьёзными серыми глазами.

Ребёнок посмотрел на меня и вдруг заулыбался. Всем лицом, как улыбаются только очень маленькие люди и очень счастливые собаки.

— О, — сказала Алиса. — Узнала. Ну конечно. Тебя она узнаёт раньше, чем меня.

Я стояла на пороге и не могла пошевелиться.

— Марин? — сказала Алиса. — Ты чего? Заходи.

— Это… — сказала я. — Это кто?

Алиса посмотрела на меня. Потом на ребёнка. Потом снова на меня.

— Соня, — сказала она медленно. — Твоя крестница. Ты чего, Марин?

* * *

Меня усадили на диван. Соню посадили рядом, в какое-то гнездо из подушек. Алиса ушла ставить чайник, вернулась, посмотрела на меня и ушла снова. Потом вернулась уже с чаем.

Я рассказала ей всё. Про «горько», про восемь, про кухню.

Что я не помню ни одного дня этого года. Ни одного.

Алиса слушала. Не перебивала. Это было так непривычно, что я пару раз сбилась.

— И Соню, — сказала я в конце. — Я не помню Соню. Совсем. Я её вижу первый раз.

Соня в этот момент потянулась и схватила меня за палец. Крепко, всей ладошкой. Точно так же, как на фотографии.

Я посмотрела на неё и заплакала.

* * *

Плакала я некрасиво. С носом, с икотой, с размазанными по щекам слезами. Так я не плакала с тех пор, как была только подругой героини и плакала на кухне, чтобы никто не видел.

Сейчас видели все. Алиса, Соня и чайник.

Алиса села рядом. Обняла меня. Не спросила «что случилось», не сказала «ну перестань». Просто обняла и держала.

За окном начался дождь. Мелкий, тёплый, почти невидимый.

— Это я, — сказала Алиса мне в волосы. — Извини. Я расстроилась за тебя.

— Ничего.

— Он всегда так теперь. Мелкий. Раньше лило как из ведра, а теперь как будто кто-то из лейки поливает. Артём говорит, это потому что я теперь мама. Мамы не могут себе

позволить ливень.

Я засмеялась сквозь слёзы. Икнула. Соня посмотрела на меня с большим интересом и тоже икнула.

Мы обе засмеялись уже по-настоящему.

* * *

— Сиди, — сказала Алиса, когда я дёрнулась встать за салфетками. — Я принесу.

— Я могу.

— Я знаю, что можешь. Сиди.

Она принесла салфетки, ещё чаю и печенье. Поставила всё на столик, села напротив и посмотрела на меня очень серьёзно.

— Значит, так, — сказала она. — Теперь моя очередь.

— Какая очередь?

— Ты меня всю жизнь слушала, — сказала Алиса. — Всю жизнь. Я тебе рассказывала про каждого парня, про каждое свидание, про каждый пролитый кофе. Ты сидела и слушала. А я даже не спрашивала, как у тебя дела. Ты же помнишь.

— Помню.

— Ну вот. — Она взяла печенье, разломила пополам и протянула мне половину. — А теперь ты сиди и слушай. Я тебе расскажу твой год. Весь, сколько помню. Сколько надо, столько и расскажу.

Я взяла половину печенья.

— Правда?

— Правда. Только Соню покормлю сначала.

* * *

Рассказывала Алиса долго.

Она рассказала, что Соня родилась в феврале, ночью, в метель. Что такси, конечно, не приехало, потому что в Сиреневом квартале в такие ночи такси приезжают только к героиням, а Алиса тогда, видимо, была уже не совсем героиня. Что Артём бегал по двору и не знал, что делать. Что приехал Лев. На машине Морока, без прав, потому что Морок сказал: «Права — это бумажка, а тут человек рождается».

— Лев водит? — спросила я.

— Плохо, — сказала Алиса. — Очень плохо. Но довёз.

Я представила Льва за рулём машины Морока, в метель, с Алисой на заднем сиденье, и засмеялась.

— А я?

— А ты сидела со мной сзади и держала за руку, — сказала Алиса. — И говорила, что всё будет хорошо. А потом сказала, что нельзя говорить «всё будет хорошо», потому что от этого всегда становится хуже, и начала говорить «всё будет нормально». Мне почему-то это помогло.

Это было похоже на меня. Очень похоже. Я так и сказала бы.

— А потом, — сказала Алиса, — ты первая её подержала.

После Артёма. Ты держала её и пела.

— Я не пою.

— Пела, — сказала Алиса. — Плохо. Что-то про лестницу во дворе. Сама придумала. Соня уснула через минуту. С тех пор только под эту песню и засыпает. Артём учил, я учила, без толку. Только твоя.

Я посмотрела на Соню. Соня ела и смотрела на меня поверх бутылочки.

— А имя? — спросила я.

Алиса улыбнулась.

— Имя ты придумала, — сказала она. — Мы два месяца спорили. Артём хотел Веру, я хотела Еву. А ты пришла, посмотрела на неё и сказала: «Она всё время спит. Соня». И всё. Мы даже не спорили больше.

* * *

Алиса покормила Соню и дала мне подержать.

Я испугалась. Взяла неловко, под мышки, как держат кошку, которая не хочет на руки. Соня закряхтела.

А потом руки сами сделали по-другому. Одна под голову, вторая под спину. Локоть чуть выше, чтобы удобнее. Соня устроилась, вздохнула и закрыла глаза.

Я сидела и не дышала.

— Вот, — сказала Алиса тихо. — Видишь? Ты умеешь.

— Я не умею. Это руки.

— Руки — это тоже ты.

Я посмотрела на свои руки. Они держали Соню так, будто делали это каждую неделю. Наверное, и делали. Только голова об этом не знала.

И я вдруг, не думая, тихо, почти шёпотом, начала напевать. Что-то без слов. Что-то, что само пришло.

Соня улыбнулась во сне.

Алиса закрыла рот рукой и отвернулась к окну. За окном снова пошёл дождь. Уже другой, радостный: крупные капли, солнце сквозь них.

* * *

Артём пришёл к обеду. Увидел меня с Соней на руках, увидел Алису с мокрыми глазами и остановился в дверях.

— Что случилось?

— Марина ничего не помнит, — сказала Алиса. — Год. Весь. Потом расскажу.

Артём посмотрел на меня. Подошёл, сел на подлокотник.

— Совсем? — спросил он.

— Совсем.

— И как я учил Льва собирать кроватку, не помнишь?

— Нет.

— Жаль, — сказал Артём серьёзно. — Это было лучшее, что я видел в жизни. Он два часа читал инструкцию. Как протокол. Потом собрал. Потом оказалось, что лишний винт.

Он полночи искал, откуда винт. Нашёл. Это был винт от другой кроватки, из коробки.

Я засмеялась так, что Соня проснулась. Посмотрела на меня возмущённо и снова уснула.

* * *

Перед уходом я всё-таки спросила.

Алиса провожала меня до двери. Соня спала в кроватке, Артём ушёл обратно на работу.

— Алис, — сказала я. — А Лариса Аркадьевна?

Алиса вздохнула.

— А что Лариса Аркадьевна. Она у вас всё время. И у нас тоже. Мне с Соней помогала, супы варила, пелёнки… Я сначала злилась, честно. Думала, кто она вообще такая, откуда взялась. Ревновала. — Она пожала плечами. — Потом привыкла. Она хорошая. Шумная, но хорошая.

— А я? Я с ней как?

Алиса подумала.

— Ты один раз сказала, что с ней всё сложно. Осенью где-то. Я спросила, что сложно. Ты сказала: «Потом расскажу». И не рассказала. А потом, зимой, сказала: «Неважно. Она моя». — Алиса посмотрела на меня. — И правда стало неважно. Я больше не спрашивала.

Осенью. Осенью была запись «Не говори Льву».

— А Лев? — спросила я. — Он что-нибудь знал? Про

«сложно»?

— Не знаю, — сказала Алиса. — Вы мне про себя мало рассказывали. Вы вообще… — она улыбнулась, — вы друг другу всё рассказывали, а другим мало. Я завидовала даже.

Друг другу всё рассказывали.

Я подумала про двадцать сантиметров между нами в кровати. Про «ничего такого». Про «О-о-о» на всю кухню.

Алиса посмотрела на моё лицо.

— Марин, — сказала она. — Что?

— Я ему соврала, — сказала я. — В воскресенье. Про блокнот. Там есть одна запись. Я её сама написала год назад. «Не говори Льву». И я не знаю, что не говорить.

Алиса помолчала.

— Ну так скажи ему, — сказала она.

— Что сказать? Я не знаю, что там.

— Вот это и скажи. Что не знаешь. — Она поправила мне воротник, как я раньше поправляла ей. — Марин. Ты меня этому научила. Говорить прямо. Помнишь? Когда про такси сказала. Мне было тогда ужасно. А потом стало лучше. Намного.

Я помнила. Это я помнила.

— А если там что-то плохое?

— Тогда тем более, — сказала Алиса. — Плохое вдвоём легче. Ты мне сама так говорила. Ты много чего мне говорила. Я, оказывается, всё запомнила.

Она обняла меня на пороге. Крепко, по-сестрински. Доль-

ше, чем обычно.

— Теперь я тебе подруга, — сказала она. — Не только ты мне. Поняла?

— Поняла.

— И в пятницу ты сидишь с Соней. Ты обещала. Ещё в апреле.

— В апреле?

— В апреле, — сказала Алиса строго. — Год там не год, а обещание есть обещание.

* * *

Я вышла на улицу.

Шёл дождь. Мелкий, тёплый, как из лейки. Над Сиреневым кварталом стояла маленькая радуга, кривая и бледная, но настоящая.

Я подумала, что это из-за меня. Алиса расстроилась за меня, потом обрадовалась за меня, и над всем кварталом теперь висел мой дождь, только сделанный её руками.

Раньше я жила в её погоде. Теперь она жила в моей.

Я достала блокнот и написала на новой странице, прямо под дождём:

«Соня. Февраль. Метель. Я пела. Имя придумала я».

Потом подумала и дописала ниже, крупнее:

«Сказать Льву. Что не знаю».

Подчеркнула два раза. Так же, как год назад.

Только в этот раз — наоборот.

Глава 8. Петя

Лев. Служба склеек, затем ЗАГС Сиреневого квартала. Среда.

Во вторник вечером Марина хотела мне что-то сказать.

Я это видел. Она вернулась от Алисы с красными глазами и очень спокойным лицом. Села напротив меня на кухне. Положила синий блокнот на стол, обложкой вверх, и прижала ладонью.

— Лев, — сказала она. — Мне надо…

Кухня приготовилась засмеяться. Я это почти почувствовал: как будто невидимый зал набрал воздуха.

А потом позвонили в дверь.

Лариса Аркадьевна принесла суп. Большую кастрюлю, завёрнутую в полотенце, и пакет с хлебом с семечками. Сказала, что на минуточку. Осталась до одиннадцати. Рассказала, как Соня вчера первый раз перевернулась на живот, как у соседки сверху протекла крыша, как в Мыльном проезде опять кто-то потерял память и все очень плакали.

На «потерял память» Марина посмотрела на меня. Я на неё.

Лариса Аркадьевна ничего не заметила. Налила нам супу, проследила, чтобы мы доели, и ушла, поцеловав обоих в макушку.

Когда дверь закрылась, Марина спала. Прямо на диване, с блокнотом на коленях.

Я накрыл её пледом. Тот самый, который я, видимо, сто раз уже так клал на неё за этот год. Руки сами знали, как подвернуть край.

Блокнот я не трогал.

* * *

В Службу склеек я пришёл к девяти.

Здание было то же. Серое, длинное, с окошками вдоль коридора и запахом бумаги, клея и старого линолеума. Очередь — тоже та же. Женщина с ребёнком, мужчина с папкой, старик с собакой, которой здесь, кажется, было нельзя.

Петя встретил меня у входа. Похудел, если такое возможно. На лацкане у него висел новый бейдж: «П. Ножницын. Пересмотр дел».

— Вас повысили, — сказал я.

— Перевели, — поправил Петя. — Это не одно и то же. Пойдёмте, пока Инесса Павловна на совещании.

— А если она вернётся?

— Тогда я скажу, что вы свидетель, — сказал Петя. — Вы всегда свидетель. Это удобно.

* * *

Кабинет у Пети был маленький. Стол, шкаф, два стула и окно во двор. На подоконнике стоял кактус. На кактусе висел бейдж Пети, старый, «Стажёр».

Петя сел за стол и открыл толстую папку.

— Значит, так, — сказал он. — Я с понедельника сижу на этом. Шесть звонков. Вы, Кольцовы и ещё четыре пары. Все проснулись с субботы. Все — на годовщине. Все расписаны в Сиреневом ЗАГСе. Все — по одному образцу.

Он положил передо мной лист.

Это была копия. Не фотография, а настоящая служебная копия, с номером в углу. Жёлтая бумага. Рамка с завитками. Внизу мелко: «Основание: финальная сцена».

— Это старый образец, — сказал Петя. — До реформы. Ещё до того, как… ну, до нашего дела с мостом. Тогда свадьба считалась концом истории. Регистрировали брак — и ставили отметку: финал. Всё, дальше смотреть нечего.

— А что потом?

— А потом классификатор, — Петя ткнул пальцем в какую-то таблицу, — видит отметку «финал» и начинает резать. Всё, что после финала, — хронометраж без событий. Его вырезают. До ближайшего события.

— Какого события?

— Которое старый классификатор считает событием, —

сказал Петя. — У него список короткий. Свадьба. Годовщина. Развод. Всё. — Он развёл руками. — Вы год жили, работали, детей рожали… То есть не вы, другие… В общем, для классификатора это не события. Событие — это годовщина. Вот на годовщине камера и вернулась.

Год моей жизни. Без событий. Меня никогда ещё не оскорбляли так точно.

— Подожди, — сказал я. — А если годовщину не отмечать?

Петя посмотрел на меня с уважением.

— Тогда до следующей, — сказал он. — Я нашёл одну пару в Мыльном проезде. Они проснулись в субботу, на пятой годовщине. Первые четыре не праздновали. Поругались на первой, а потом как-то не до того было. — Он помолчал. — Пять лет, Лев. Они там все плачут. То есть они в Мыльном проезде и так всё время плачут, но эти — по-настоящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.